

Свами Абхишиктананда

САННЬЯСА

или

З о в п у с т ы н и

16+

Свами Абхишиктананда Санньяса или Зов пустыни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33170049

SelfPub; 2018

Аннотация

«Санньяса» – сборник эссе Свами Абхишиктананды, представляющий первую часть труда «Другой берег». В нём представлен уникальный анализ индусской традиции отшельничества, основанный на глубоком изучении Санньяса Упанишад и многолетнем личном опыте автора, который провёл 25 лет в духовных странствиях по Индии и изнутри изучил мироощущение и быт садху. Он также приводит параллели между санньясой и христианским монашеством, особенно времён отцов-пустынников.

Содержание

Предисловие Свами Аджатананды Сарасвати [1].	4
I. Идеал.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Предисловие Свами Аджатананды Сарасвати ¹.

Санньяса (или «Зов пустыни») стала последним трудом Свами Абхишиктананды, работа над которым завершилась в июле 1973 года, за несколько месяцев до его ухода ². В этом

¹ [1] Свами Аджатананда Сарасвати (Марк Шадюк, род. в 1944 г. во Франции) – ближайший ученик Свами Абхишиктананды. Они познакомились в Дели в октябре 1971 года после более чем двухлетней переписки. К тому моменту Марк был уже хорошо знаком с философией таких известных учителей *веданты*, как Свами Рама Тиртха, Свами Шивананда Сарасвати и Свами Чидананда Сарасвати (с которым он даже встречался лично в Лионе в 1969 году), однако именно Свами Абхишиктананда стал его подлинным наставником. Они провели вместе более двух лет (с октября 1971 по декабрь 1973 года), изучая *Упанишады*, совершая паломничества по святым местам и обмениваясь духовным опытом. 30 июня 1973 года Свами Чидананда Сарасвати и Свами Абхишиктананда дали Марку посвящение в *санньясу* (назвав обряд «экуменической *дикшей*», принимая во внимание бенедиктинские корни Свами Абхишиктананды) под именем Свами Аджатананда Сарасвати (официально его «инициирующим *гуру*» стал Свами Чидананда Сарасвати). После ухода Свами Абхишиктананды 7 декабря 1973 года Свами Аджатананда поселился в горной хижине на берегу Ганги в 35 километрах от Ришикеша, где провёл почти 4 года. В начале 1977 года он без вести пропал в Гималаях.

² [2] Первая глава – *Идеал* – была написана в 1969-70 гг. для журнала *Asia Focus*. Впервые она была опубликована в *Ежегодном бюллетене* (1973) Радж-пурского учебно-практического центра. Французская версия появилась в *Revue Internationale* Центра Моншанена в Монреале, Канада (тетрадь 43, стр. 2). Полный текст на английском, который Свамиджи в некоторой спешке подготовил сам, впервые был опубликован в семи выпусках *The Divine Life*, начиная с сентяб-

проникновенном эссе он рассказывает о значимости индийской традиции отречения (*санньясы*), находящей живой отклик в сердце современного человека. Свамиджи подчёркивает глубинную связь между призыванием к *санньясе* и зовом, приводившим в пустыню первых христианских монахов. В более широком смысле он демонстрирует, как *адвайтистский* опыт, живым свидетельством которого является *санньяса*, бросает вызов христианскому сознанию как таковому. Свамиджи настолько полно идентифицирует себя с тем, о чём пишет, что работа буквально поражает своей искренностью. Воистину, она начертана «огненными письменами»³ и отражает внутреннее стремление, захватившее весь его внутренний мир и призвавшее его к ещё более акосмичному образу жизни, к полному погружению во внутреннее созерцание.

ря 1973 г. Свамиджи надеялся отредактировать эссе и опубликовать его в форме книги. Текст, представленный в настоящем издании, несколько полнее оригинала, так как включает в себя, во-первых, несколько отрывков из французской версии, а во-вторых, мысли, которые пришли к Свами Абхишиктананде после экumenической *дикши* в июле 1973 г. В письме от 30 сентября он пишет: «*Последние страницы, в любом случае, следует пересмотреть, так как мне кажется необходимым добавить несколько страниц о санньясе как о Тайне. Во время дикши я столько осознал, что это было больше, чем просто знак. Мы можем говорить о символе, выражаясь языком Юнга, или о Тайне, выражаясь языком религии. Таков должен быть ответ на главу о споре (т.е. на главу IV). Однако мозг должен работать лучше, чем сейчас!*» (примечание Свами Аджатананды Сарасвати).

³ [3] Намёк на известную историю из библейской Книги пророка Даниила (Дан. 5:1-31), в которой невидимая божественная рука пишет огненными письменами на стене дворца послание-предупреждение пирующему царю Валтасару.

Второе эссе – «*Введение в Упанишады*» – было написано на французском языке в 1972 году, однако автор так и не осуществил его окончательную правку. Многочисленные примечания на полях рукописи были лишь краткими напоминаниями о том, что он собирался написать, и в некоторых местах текст далёк от стилистической ясности. В то же время страницы работы исполнены вдохновения и представляют собой выдающееся по своей глубине введение в *Упанишады*. Свамиджи рассматривает писания в их естественном контексте, представляет их первоначальное прозрение и чётко очерчивает их основные темы. Его книга – бесценный ключ для тех, кто хочет проникнуть в сердце этих удивительных текстов, отражающих опыт первых *риши*, пробудившихся к внутренней Тайне. Перелистывая её страницы, читатель не может не почувствовать проблески этой Тайны в самом себе.

В то время как во «*Введении к Упанишадам*» Свамиджи особенно подробно рассматривает великие изначальные *Упанишады* и их основные темы, эссе «*Санньяса*» основано преимущественно на средневековой традиции *Санньяса Упанишад*, большинство из которых, к сожалению, до сих пор недоступны для англоязычной публики ⁴, однако автор представляет их основные идеи так, что читатель может почувствовать их мощь и красоту.

Эти две работы неслучайно вышли в одном издании: са-

⁴ [4] Равно как и для русскоязычной.

ма индийская традиция настаивает, что жизнь в отречении (*санньяса*) и познание тайны Брахмана (*брахмавидья*, опыт *Упанишад*) неразделимы, и первое не существует без второго.

С одной стороны, опыт *Упанишад* (т.е. открытие тайны Недвойственности в самом сердце человеческого сознания) – это основное условие истинной *санньясы*. Если *санньяса* не является результатом внутреннего просветления и пробуждения к *Ахам асми* («Я есмь») во всей его чистоте, то она становится лишь одним из возможных образов жизни, теряя своё трансцендентное качество, и её истинный смысл исчезает. На самом деле только тот, кто «разрубил узы сердца»⁵, уходит в Истине. Причём вначале этот уход осуществляется лишь в его собственном сознании – он становится насущной необходимостью с самого момента реализации внутреннего видения, когда искатель обнаруживает свою свободу от всех привязанностей и безоговорочно предаётся Духу: «В тот самый день, когда он осознает свою свободу от всех внутренних привязанностей, он должен удалиться [от мира] и начать своё странствие» (*Нарадапаривраджака Упанишада*⁶, 3.77).

⁵ [5] *Хридайясьеха грантаях* (санскр.). См. *Катха Упанишад*у, 2.3.15 в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Когда разрубаются все узлы, [связывающие] здесь сердце, то смертный становится бессмертным» (об использовании переводов *Упанишад* в настоящем издании см. прим. 6).

⁶ [6] Все отрывки из «малых» *Упанишад*, за исключением *Маханарайяна Упанишад*ы, мы приводим в переводе с английского языка по изданию *108 Upanishads, Bombay, 1932*, которое при работе над книгой использовал сам Сва-

С другой стороны, истинное знание тайны *Упанишад*, *брахмavidья*, невозможно без абсолютного отречения и нищеты, о чём однозначно заявляет *Мундака Упанишада* (3.2.6): «Нет веданты без санньяса-йоги (отречения)»⁷. Эту мысль подтверждает *Маханарайяна Упанишада* (12.14). «Тайну славы и бессмертия, сокрытую в глубине сердца и в вышине небес, может обрести лишь тот, кто отказался от всего».

Вне контекста полного отречения знание *Упанишад* – не более чем книжное знание, не имеющее никакого смысла, даже если оно сопровождается прекрасными медитациями и возвышенными мыслями. Внутренняя нагота того, кто ослеплён Светом, нисходящим из той обители, что за пределами всех миров, – это пустыня. Она достигается лишь тем, в чьём сердце нет ничего, кроме высшего и абсолютного «Я есмь», сияющего в своей чистоте. И такое просветление доступно лишь в абсолютном отречении *санньяси*, свободного от всех желаний, мыслей, действий, имущества, того, кто находится в положении *авадхуты*, не обладающего ничем.

Интересно отметить, что всеми качествами, которыми

ми Абхишиктананда. Текст *Маханарайяна Упанишад*ы приводится в соответствии с изданием Анандашрама (*Taittirīgūyāraṇyaka, 10th Prapāṭka, Appendix, p. 783*). Тексты остальных *Упанишад* во избежание разночтений мы приводим в версии Свами Абхишиктананды (в переводе с английского и французского языков), а в сносках, в случае необходимости, даём русский академический перевод.

⁷ [7] Этот же стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Аскеты, тщательны постигшие смысл распознавания веданты, очистившие [своё] существо путём отречения...»

изначальные *Упанишады* определяют Атман или Брахман (прежде всего, единственностью и одиночеством (*кайвальям*)), *Санньяса Упанишады* наделяют самого *санньяси*. Принцип *нэти-нэти*⁸ воплощается в *авадхуте* через полное отречение. Его нагота – это лишь символ полноты, реализуемой в тайне Недвойственности, в которой он не способен более видеть себя в различии.

Упанишады занимали центральное место в жизни Свами Абхишиктананды, духовный путь которого заключался в полной реализации *адвайтистского* опыта *риши* без потери собственной укоренённости в христианской традиции. Он сделал *Упанишады* частью себя самого и каждый раз, давая комментарии к ним, демонстрировал почтительный энтузиазм и желание проявить сияние их блистательных прозрений.

Он никогда не переставал созерцать Тайну: Тайну, обладающую ликом, как Её представляют Евангелия в образе Иисуса, и в то же время Тайну, не имеющую лика, проявившуюся в сердцах индийских *риши*. Созерцание было для него уникальным актом сосредоточения на недвойственном опыте Абсолюта, единого *Ахам асми*, отразившегося в «Я ЕСМЬ» Яхве, которое Иисус произнёс в собственном имени

⁸ [8] *Нэти-нэти* (санскр.) – «не то, не то» – так *Упанишады* описывают Брахман, который, находясь за пределами всех пар противоположностей, не может быть определён человеческими понятиями.

⁹. Это АХАМ и есть та Тайна, которую осознал Свамиджи и которая стала сутью его просветления.

В двух обсуждаемых эссе автор ведёт нас напрямую к изначальным текстам, а затем и в самое сердце опыта *санньясы*, безотносительно отступлений, введённых более поздними сравнениями и интерпретациями. Пламенный энтузиазм Свамиджи передаётся каждому, кто готов к *анубхаве* (опыту), обретаемой у самого её источника со всей древней мощью, не обременённой позднейшими наслоениями. Хотя источником его вдохновения были *Упанишад*ы, он постиг на практике, что значит быть свободным даже от них, став ничем иным, как чистым проводником Тайны, находящейся за пределами любых символов и Писаний. Он в полной мере осознавал, что опыт *адвайты* превосходит любые концепции, что он носит «секретный» характер и что этот секрет отделяет его от всего остального в состоянии *экайвадвйтиям* («единственности без второго»), одиночества истинного Я, того самого единства, которое, возможно, и является высшей формой «католичности» ¹⁰...

«*Санньясу*», написанную Свамиджи за несколько месяцев до сердечного приступа ¹¹, можно считать его духовным за-

⁹ [9] На иврите имя Иисуса звучит как יְהוֹשֻׁעַ (Йехошуа), то есть, «Яхве спасает».

¹⁰ [10] Термин «католический» происходит от греческого καθολικός (всемирный, вселенский, универсальный).

¹¹ [11] 14 июля 1973 года.

вещанием и не только по этой причине. Её идеи вырабатывались в процессе бесед со Свами Чиданандой ¹², касавшихся значения и формы «экуменической *дикиши*» ¹³, которой посвящена глава V эссе и в предвкушении радости которой он жил. В то же время значимость этого произведения выходит далеко за рамки описываемого события.

Автор далёк от описания пророческого идеала – напротив, эссе представляет нам самую суть *санньясы* именно в том смысле, в котором сам Свамиджи экзистенциально проживал её, причём те, кто знаком с описываемыми событиями, увидят чёткие соответствия между параграфами эссе и последними неделями жизни Абхишиктананды. Работая в своей хижине в Гьянсу ¹⁴, он писал друзьям о том, как чтение *Санньяса Упанишад* поразило его в самое сердце и как он снова почувствовал непреодолимый зов к акосмичной жизни.

В своём вдохновенном видении *санньясы* Свамиджи подчёркивает абсолютную трансцендентность *санньясы* по отношению к любым другим состояниям жизни как мирской,

¹² [12] Свами Чидананда Сарасвати (1916-2008) – ученик и преемник Свами Шивананды Сарасвати на посту *ачарьи* (настоятеля) Шивананда Ашрама (Ришикеш) и Общества божественной жизни (Divine Life Society).

¹³ [13] См. прим. 1.

¹⁴ [14] Гьянсу – деревня в Гималаях, недалеко от города Уттаркаши. Свами Абхишиктананда провёл там почти пять лет (с октября 1968 по май 1973 года) в небольшом *кутире* (хижине) отшельника (прим. к русскому переводу книги Свами Абхишиктананды *Гуру и ученик* (М.: Ганга, 2012)).

так и религиозной, а также по отношению к любой *дхарме* (ибо она – за её пределами: *дхарматита, туриятита*). Он возводит её к великой *адвайтистской* традиции, несравненным выражением которой были изначальные *Упанишады* (и, прежде всего, *Брихадараньяка Упанишада*).

В то же время Абхишиктананда проводит параллель между *санньясой* и призывом к жизни в пустыне в сердцах первых христианских монахов III-IV веков. Искренняя встреча с абсолютным отречением *санньясы* способна пошатнуть чувство безопасности и уступки, которые позднее вошли в религиозную и монашескую практику. Наши современники, озабоченные возрождением отшельничества и эсхатологического свидетельства в сердце церкви, несомненно, почерпнут вдохновение из этих страниц, исполненных пророческого огня. К примеру, *ведийский* образ акосмичного *кеши*, «косматого святого», напоминает нам пророческую фигуру Илии, духовного отца Кармеля¹⁵, типичного ветхозаветного *санньяси*, чья отречённая жизнь была в полной мере укоренена в созерцании Бога.

Таким образом, *санньяса* – это мощный вызов христианскому сознанию. Если христиане действительно верны эсхатологической тайне Царства Божия, они не могут не ответить на призыв к отречению за пределами всех имён, форм

¹⁵ [15] Речь идёт о ветхозаветном пророке Илии, история которого приводится в III и IV Книгах Царств (см. 3Цар. 17-20 и 4Цар. 1-3). Будучи аскетом-отшельником, долгое время жившим в одиночестве в пещерах священной горы Кармель, он считается вдохновителем монашеского движения в раннем христианстве.

и даже любой *дхармы*, идущий из глубин их сердец.

Видение Сваמידжи неотделимо от опыта *Упанишад* и тайны Троицы в их взаимной недвойственности. Насколько мы видим, сам тринитарный опыт зародился в сознании Иисуса, скорее всего, в момент Его пробуждения, свершившегося во время крещения (см. эссе «*Санньяса*», гл. «*Санньяса-дикша*»). Лишь на таком глубочайшем духовном уровне мы можем свести к единому недвойственному прозрению христианский опыт пустыни и Царства Божия с одной стороны, и опыт *Упанишад*, полностью реализовавшийся в *Ахам асми*, с другой, что в полной мере удалось сделать Сваמידжи и в чём заключалась его харизма.

Сегодня, более чем когда бы то ни было, церкви нужны *джняни*, пробуждённые, реализовавшие единое осознание бытия и погружённые в глубины, находящиеся за пределами их личности, полностью перешедшие к недвойственной тайне Брахмана, к которой пробудился и Иисус, возопив «Авва, Отче!»

Недели, предшествовавшие экуменической *дикше* и последовавшие за ней, стали поворотными в жизни и духовной реализации Сваמידжи. Он не только обрёл глубокий контакт

с *авадхутами*, обитавшими в пещерах на берегах Ганги, но и сам жил в пещере, питаясь на подаяние. Миф о *кеши*, совершенном акосмичном мудреце, всё глубже и глубже входил в его сознание. Во время *дикши* его переполнила непреодолимая сила, придавшая *санньяса-дикше* сакраментальный характер – именно это он имеет в виду, говоря о благодати и способах её передачи. Он очень хорошо осознал, что *санньяса* – это не только знак Тайны, но и сама Тайна, и что *дикша*, равно как и одеяния *кави*, имеют сакральную ценность. Однако лишь те, кому открылась эта Тайна и кто проник в её глубины, могут постичь её сокровенную силу.

Таким образом, Свамиджи достиг финальной тайны положения *авадхуты*, проживая в июле 1973 года всю полноту своей *санньясы* в лесу, куда Дух привёл его. Там он познал невыразимую полноту благодати. Именно тогда воссияла *туриятита*, окончательное пробуждение к единственному Ахам, преобразующие лучи которого вскоре поглотили то, что осталось от его *шарирам*. За «приключением» (его собственное выражение) сердечного приступа последовало *махасамадхи*, явившееся лишь физическим выражением поглощения великим Светом в себе самом.

Для того, кто стал *критакритьях* (*Нарадапаривраджака Упанишада*, 3.86), завершившим все обязанности и достигшим полноты, уже не имеет значения, оставаться ли в физическом теле или покинуть его. То же самое можно сказать и об *авадхуте*, или том, кто обрёл освобождение (*дживан-*

мукта). Вскоре (спустя всего пять месяцев) ему было суждено оставить тело, как и *Санньяса Упанишады* говорят об *авадхуте*: «однажды в горной пещере он оставит своё тело». Интересно отметить, что *Нарадапаривраджаса Упанишада* (4.38, а также *Турияпита Упанишада*), после описания *санньяса-дикиши видват-санньяси*, сразу же переходит к теме оставления тела, намекая таким образом, что для того, кто вошёл в тайну *санньясы*, время и деятельность остались позади. *Авадхута, критакритьях*, живёт на другом уровне, нежели телесный или внешний. ОН ЕСТЬ.

Так было и со Свамиджи. В реальности Свами Абхишиктананда прожил и реализовал всё, о чём он пишет. Красота его трудов в том, что они суть плод его молчания.

Последним словом, которое он произнёс перед окончательным пробуждением к великому Свету за пределами всех миров, было слово *САННЬЯСА*.

I. Идеал.

Честью и славой Индии стало то, что ей удалось довести духовный и философский поиск бытия до самых глубин, позволив человеку осознать свой глубочайший центр, находящийся за рамками всего того, что другие культуры именуют «умом», «душой» или даже «духом». В этой трансцендентной точке её мудрецы встречались с Богом, или, скорее, с божественной Тайной за пределами всех её проявлений, как нынешних, так и потенциальных, за гранью всех формулировок, имён, концепций и мифов. И в то же время они встречались со своим истинным Я, также превосходя всё, что на Него указывает, будь то тело или ум, чувственное восприятие или мышление, всё то, что обычно именуется сознанием.

Это осознание и дало начало феномену *санньясы*, который впервые в мировой истории появился именно в Индии. Люди слышали призыв к полному отречению и акосмичной жизни; они оставили мир и человеческое общество для того, чтобы жить в горах и пустынях или непрерывно скитаясь из места в место, в молчании и одиночестве, в свободе от всего. И задолго до того, как христианские монахи начали уходить и скрываться в пустынях Египта и Сирии, последователи Будды распространили этот образ жизни по всей Восточной Азии.

Санньяса – это фундаментальная характеристика традиционного индийского подхода к божественной Реальности, и её невозможно правильно понять вне контекста религиозной мысли Индии.

В современном мире ценность *санньясы*, несомненно, представляет собой предмет дискуссии. Отчасти это связано с недостойным поведением многих, кто носит одеяние *кави* (шафранное облачение монаха), но в значительно большей степени это симптом общего кризиса, затрагивающего все религии мира и бросающего вызов жёсткости и закостенелости большинства их институтов. Это может привести к тому, что внешние знаки *санньясы* станут менее очевидными, хотя сама её сущность при этом, конечно, утрачена не будет. Численность *санньяси* также, вероятно, сократится, но есть все основания полагать, что многочисленные последователи индуизма никогда не перестанут чувствовать зов к жизни в отречении и полном посвящении себя одному лишь Богу.

Санньяса, как и христианское монашество периода его зарождения, – это прямой ответ на то, что индусская традиция называет *мумукушувой*, жаждой спасения. Эта жажда настолько сильна, что не оставляет места ни для каких иных

желаний, и её можно сравнить с действиями человека, чья одежда внезапно загорелась и который без промедления, не раздумывая ни секунды, тотчас бросается в ближайший водоём.

Поскольку Творец обратил органы чувств вовне, человек, как правило, смотрит на внешнее, а не на внутреннее, заботясь о мирских вещах. Лишь мудрый, стремясь к бессмертию, обращает взор внутрь себя и обнаруживает там истинное Я (ср. *Катха Упанишада*, 2.1.1 ¹⁶). Он знает, что Вечное не может быть достигнуто через преходящее (*Катха Упанишада*, 2.10 ¹⁷), а Нетварное (*акрита*) не обретается через тварное или какие-либо действия (*Мундака Упанишада*, 1.2.12 ¹⁸). Яма (Смерть) искушает юного Начикетаса ¹⁹, предлагая ему всевозможные земные блага, однако тот мудро отвечает, что, когда придёт старость, он утратит способность наслаждаться ими, а затем сама же смерть заберёт их

¹⁶ [16] Этот стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «[Но] великий мудрец, стремясь к бессмертию, глядел внутрь себя, закрыв глаза».

¹⁷ [17] Этот стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Я знаю, что непостоянно богатство, ибо не достигают вечного не вечным».

¹⁸ [18] Этот стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Рассмотрев миры, приобретённые действиями, пусть брахман достигнет безразличия – не бывает несотворенного благодаря сотворенному».

¹⁹ [19] Начикетас (Начикета) – сын мудреца Ваджашраваса и главный герой *Катха Упанишады*, которая представляет собой его беседу с богом смерти Ямой, ставшим его духовным учителем. Образ Ямы, дающего наставления маленькому мальчику, впервые появляется в *Ригведе* (10.135).

обратно (*Катха Упанишада*, 1.26²⁰). Так же и награда жизни в небесном мире стоит весьма мало, ведь и ей придёт конец, когда запас прежних добрых дел иссякнет. Награда всегда соответствует действию, ибо она обусловлена им – таким образом, молитвы, подношения *дэвам*, включая все *яджни*, *хомы* и *пуджи*, обладают лишь относительной ценностью и могут обеспечить только комфортную жизнь на земле, а затем временные наслаждения на материальных небесах (*сварга*). Поэтому *Мундака Упанишада* заключает (1.2.11-13²¹): оставь всё и отправляйся в лес, совершай аскезы и храни свою душу в покое; найди компетентного *гуру* и познай от него Истину, истинное знание о Брахмане, которое не могут дать даже *Веды*.

Иисус вкладывал в сердца своих учеников то же высшее стремление, столь неудобное для человеческого самолюбия: «Ибо какая польза человеку, если он приобретёт весь

²⁰ [20] Этот стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Преходящи [эти удовольствия] у смертного, о Антака, они иссушают силу всех чувств, да и жизнь-то вся коротка. Пусть же [остаются] у тебя повозки, танцы, пение».

²¹ [21] Эти стихи в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Те же, которые с верой предаются в лесу подвижничеству, успокоенные, знающие, ведущие жизнь нищенствующих монахов, идут, безгрешные, через врата солнца [туда], где – тот бессмертный пुरुша, негибнущий Атман. Рассмотрев миры, приобретенные действиями, пусть брахман достигнет безразличия – не бывает несовершенного благодаря сотворенному. Ради этого распознавания пусть с топливом в руке он подойдет к учителю, просвещённому, утверждённому в Брахмане. Ему, должным образом приблизившемуся, спокойному в мыслях, умиротворённому, тот знающий пусть правдиво передаст то знание Брахмана, благодаря которому знают неуничтожимого пुरुшу – истину».

мир...?», «Огонь пришёл Я низвести на землю...» (Мк. 8:36, Лк. 12:49, ср. Прит. 30:16). Лишь Царство Небесное обладает абсолютной ценностью, и всё остальное должно быть принесено Ему в жертву. Евангелие несовместимо с полумерами, и, лишь утратив его подлинный вкус, христианство может превратиться в удобную религию. Точно так же и для индусского *джняни* царство, о котором можно что-либо сказать, не есть то самое Царство; *дао*²², которое можно выразить словами, не есть *Дао* (*Дао Дэ Дзин*, 1). Об Абсолюте нельзя сказать ничего, кроме того, что Он есть, *астхи* (*Катха Упанишада*, 2.3.12²³).

С точки зрения *Законов Ману*²⁴ и последующей традиции, *санньясу* можно принять лишь в конце жизни, когда человек исполнил свой долг перед *дэвами*, через молитвы и ритуальное поклонение, и предками, оставив потомство и вырастив сына, который к тому времени и сам уже станет отцом и сможет занять место своего отца в исполнении всех

²² [22] *Дао* (кит. «путь», «закон») – высшая Реальность, основная категория мысли древнекитайского философа Лао-Цзы, автора священной книги даосизма *Дао Дэ Дзин*.

²³ [23] Этот стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1967): «Нельзя достичь его ни речью, ни разумом, ни глазом. Как постичь его иначе, нежели говоря “Он есть?”».

²⁴ [24] *Законы Ману* (*Ману-смирти*) – свод законов древней Индии, авторство которого приписывается Ману, прародителю человечества. По мнению большинства исследователей, сборник был составлен в период со II в. до н.э. по II в. н.э.

семейных обязанностей. Однако случается, что свет самознания начинает сиять в сердце человека столь ярко, что ему уже невозможно сопротивляться; и тогда, вне зависимости от возраста, призвания или, возможно, общественных обязательств, у такого человека не остаётся иного выбора, кроме как покинуть свой дом и скитаться в одиночестве вдали от людских городов (*Джабала Упанишада*, 4.1). В своём комментарии на *Брихадараньяка Упанишаду* (1.4) Шанкара²⁵ объясняет, что знание²⁶ становится венцом всех деяний, и с ним уже несовместима никакая карма.

Такой зов к *санньясе* вдохновляется, прежде всего, способностью различения между преходящим и вечным, именуемой *вивека*, которая имеет первостепенное значение для каждого, кто стремится к *брахмavidье*. И в этом различении, лежащем в основе любых духовных рассуждений и становящемся фундаментальным принципом всей последующей деятельности, нет ничего абстрактного или концептуального.

Каков же источник такой *вивеки*? На ум приходит прозрение Паскаля: «Ты бы не искал Меня, если бы уже не нашёл Меня»²⁷. Для многих людей, несомненно, такие слова как *вивека*, *мокша* (спасение), *адвайта* (недвойственность) и их

²⁵ [25] Шанкара (Ади Шанкарачарья) – выдающийся раннесредневековый индийский философ и святой, сформулировавший основные положения классической *адвайта-веданты*, а также основавший десять орденов *санньясы*.

²⁶ [26] Здесь подразумевается знание Брахмана, *брахмavidья*.

²⁷ [27] Цит. по *Pascal B., Thoughts*, p.552 (London: *Everyman's Library*, 1960)

концептуальные или эмоциональные эквиваленты в иных религиозных контекстах таят в себе чарующие идеи, способные вдохновлять на глубокие размышления или учёные диспуты в кругу посвящённых. Однако есть и те, чья жизнь была отмечена непосредственным опытом Истины и кто потому был вынужден оставить всё то, что казалось прежде самым дорогим. И в то же время их первое знакомство с этим зовом могло быть почти незаметным, подобно тому ручейку, который в видении пророка Иезекииля (Иез. 47:1) исходил от дверей храма, став затем потоком, а затем могучей рекой, которую было невозможно пересечь вброд и которая сметала всё на своём пути, оживляя землю.

Первоначально, как это было и в случае с первыми христианскими монахами, принять *санньясу* означало просто покинуть свой дом и деревню и отправиться в леса или странствия (*паривраджья*). Самое большее, это означало также получить от другого монаха или *садху* соответствующее облачение, как и делал св. Бенедикт ²⁸, всегда полагая, что искатель может нуждаться в особом одеянии или вообще в какой бы то ни было одежде. Так же и Иисус ответил тому, кто хотел войти в Царство Божие: «Пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим ... и приходи, последуй за

²⁸ [28] Св. Бенедикт Нурсийский (480-543) – средневековый итальянский святой, считающийся вдохновителем западноевропейской монашеской традиции. Основанный им орден св. Бенедикта (бенедиктинцев) является одним из старейших католических монашеских орденов.

Мною» (Мк. 10:21). Лишь позднее жизнь *санньяси*, как и христианских монахов, стала организованной и упорядоченной специальными правилами.

Вскоре было развито и формальное посвящение. Интересно отметить, что в него было включено и жертвоприношение (*яджня*), во время которого кандидат отказывается от всего своего имущества и положения в обществе и обращается к своему сыну со словами «передачи» (*сампратти*), которые обычно произносятся в момент смерти: «Ты – священное знание, ты – жертвоприношение, ты – мир» (*Брихадараньяка Упанишада*, 1.5.17²⁹; *Санньяса Упанишада*, 1). Разумеется, эта церемония строго обязательна только для тех, кто прошёл *самсары*, необходимые для *брахманского* посвящения, то есть тех, кто, по крайней мере в теории, не может освободиться от своих религиозных, семейных и социальных обязанностей никаким иным способом, кроме нового священного обряда. С другой стороны, многие вообще отказываются от всех обрядов – как, например, Рамдас³⁰

²⁹ [29] Этот стих в переводе А. Я. Сыркина (М.: Наука, 1992): «Теперь – о передаче. Когда [кто-нибудь] считает, что уходит из мира, он говорит сыну: “Ты – Брахман, ты – жертва, ты – мир”. Сын отвечает: “Я Брахман, я – жертва, я – мир”. Поистине, то, что изучено, – всё это едино в [слове] “Брахман”. Поистине, те жертвы, которые [приносились], – все они едины в [слове] “жертва”. Поистине, те миры, которые есть, – все они едины в [слове] “мир”. Поистине, в этом – всё [сущее]».

³⁰ [30] Свами Рамдас (1884-1963) – южноиндийский святой, посвятивший свою жизнь *раманама-санкиртане* (воспеванию имени Рамы). Свою символическую «*санньяса-дику*» он описывает в книге *In Quest of God*, ch. *Renunciation*

(Kanhgad: Anandashram, 1979): «Мимо Шрирангама во всей её чистоте и величии несла свои воды священная река Кавери. Здесь, на её берегах, повинаясь приказу Рама, он облачился в одежды санньяси. Так Рама дал ему совершенно новую жизнь. Белоснежные одежды, которые он носил прежде, были преданы Кавери и унесены ею прочь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.